

— А ты как сюда попал!
— Да вот, товарищи привели.

К Р О К О Д И Л

ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА НА ДЕМОНСТРАЦИИ.

ВЕЛИКОШАП

Он шумел и визжал на весь Зареченск:

— Через две недели!

Ещё недавно толстяк, теперь он похудел, осунулся, поблёк; его костюм украсился пятнами, а физиономия — обильной жёлтой щетиной. Он бегал по городу, энергично сопел и обнадёживал людей «своего круга»:

— Больше двух недель большевики не продержатся... Я вас уверяю!

Но на всякий случай... На всякий случай Великошапка, предводитель дворянства Зареченского уезда, поспешил распродать всё своё движимое и недвижимое имущество. Нашлись в городе дурни, которые купили его каменный особняк, рощу, лошадей, трёх охотничьих собак и двух снегирей.

Вырученные от продажи деньги — николаевки и керенки — он положил в железный ларец. А ларец закопал в саду под старой яблоней.

— Через две недели вернусь и вырою ларец! — шепнул Великошапка жене.

Вернулся он, облезлый и никому не нужный, только через два года. Выкопал тайком ларец. Какой-то чудака-коллекционер обменял у него николаевки и керенки на курицу.

Курица вскоре простудилась, начала чихать, кашлять и не замедлила отправиться в тот мир, где несть ни пуха, ни пера...

Он был не одинок, этот зареченский предсказатель дурной погоды. Вместе с ним шумели: «Через две недели, через две недели!» — на всех европейских языках разные пёстрые личности — министры, банкиры, генералы, писаки и прочие джентльмены из лакейской господина Капитала.

В своё время были даже попытки замолчать Октябрьскую революцию.

Дескать, ничего не случилось, не было в России никакой Октябрьской революции.

Такое впечатление могло создаться при чтении органа австрийских социал-демократов «Дер кампф». Прошли ноябрь и декабрь семнадцатого года. Канули в вечность январь и февраль восемнадцатого года. Прошло около пяти месяцев. И за всё время в этом издании не появилось ни одного слова об Октябре в России. Лишь в марте 1918 года журнал опубликовал статью известного оппортунистических дел мастера Отто Бауэра, в которой тот недовольно сообщил своим читателям, что в России около пяти месяцев тому назад случилось, знаете ли, одно чрезвычайное происшествие — большевистская революция.

«Дер кампф» молчал потому, что он, как и его хозяева, надеялся: вот-вот, «через две недели», большевики в России будут свергнуты.

В ту пору во всех политических трущобах появились гадалки и ворожеи обоего пола, которые за известную плату предсказывали дурную погоду в первой Советской республике «через две недели».

Мистер Фрэнсис, посол США в России, был так добр и любезен, что от щедрот своих накинул ещё две недели и обещал крах Советской власти лишь через месяц.

«По моему мнению, — писал он в одном из своих донесений, — советский режим не просуществует больше месяца».

В те дни пресловутый Соммерсет Моэм — да, тот самый Моэм, английский драматург, автор «Круга» и других бульварных пьесок, кото-

КА И ДРУГИЕ

рый по совместительству работал в военной разведке,— получил командировку в Петроград. Поехал он, конечно, не в качестве драматурга.

В своих воспоминаниях С. Могэм так объясняет цель этой командировки:

«В 1917 году я поехал в Россию. Я был послан для того, чтобы предотвратить большевистскую революцию...»

Только и всего. Очень скромное задание. Приедет он в Петроград, станет в гордой позе у Зимнего дворца, взмахнёт лайковой перчаткой — и тотчас же Нева потечёт вспять.

Если память нам не изменяет, командировка Могэма не увенчалась успехом...

Не увенчались успехом и многие другие командировки такого рода. Но ещё усиленной и настойчивей джентльмены этого сорта начали гадать и ворожить.

Гадали Колчаку и Деникину, ворожили иностранным интервентам.

Среди этих невзыскательных гадалок вертелись и услужливые лакеи вроде Каутского, Блюма, Ренделя и прочих, созданных по их образу и подобию. Рендель летом 1919 года громогласно заявил, что он за антисоветскую интервенцию, которой он предсказывает полный успех «через две недели».

Гадали на бобах и остались на бобах.

Но не унимались. Не бросали своего занятия.

В 1933 году послышалось бормотание как будто из загробного мира: это Каутский писал о том, что весной текущего года в России произойдут «ужасные события».

Прошли годы. Гитлер напал на Советский Союз. И опять, по примеру прошлых сезонов, всполошились все гадалки и ворожеи.

— Через месяц Гитлер завладеет Россией, — вещал член американского конгресса Мартин Дайс.

Почтенному конгрессмену почтительно вторили писаки из «Нью-Йорк джорнэл энд америкэн»:

«Россия обречена, и Америка с Англией бессильны предотвратить её быстрый распад под ударами нацистского блицкрига».

Много было таких писаний. Собрать бы их сейчас воедино — получился бы неплохой юмористический сборник.

Сюда, в этот сборник, следовало бы включить и послевоенные предсказания. Как только советские люди приступили к осуществлению четвёртой пятилетки, гадалки начали усиленно вертеть языками:

— Ничего у них не получится!

— Ничего у них не выйдет!

— Россия будет истощена, если она не получит займов!

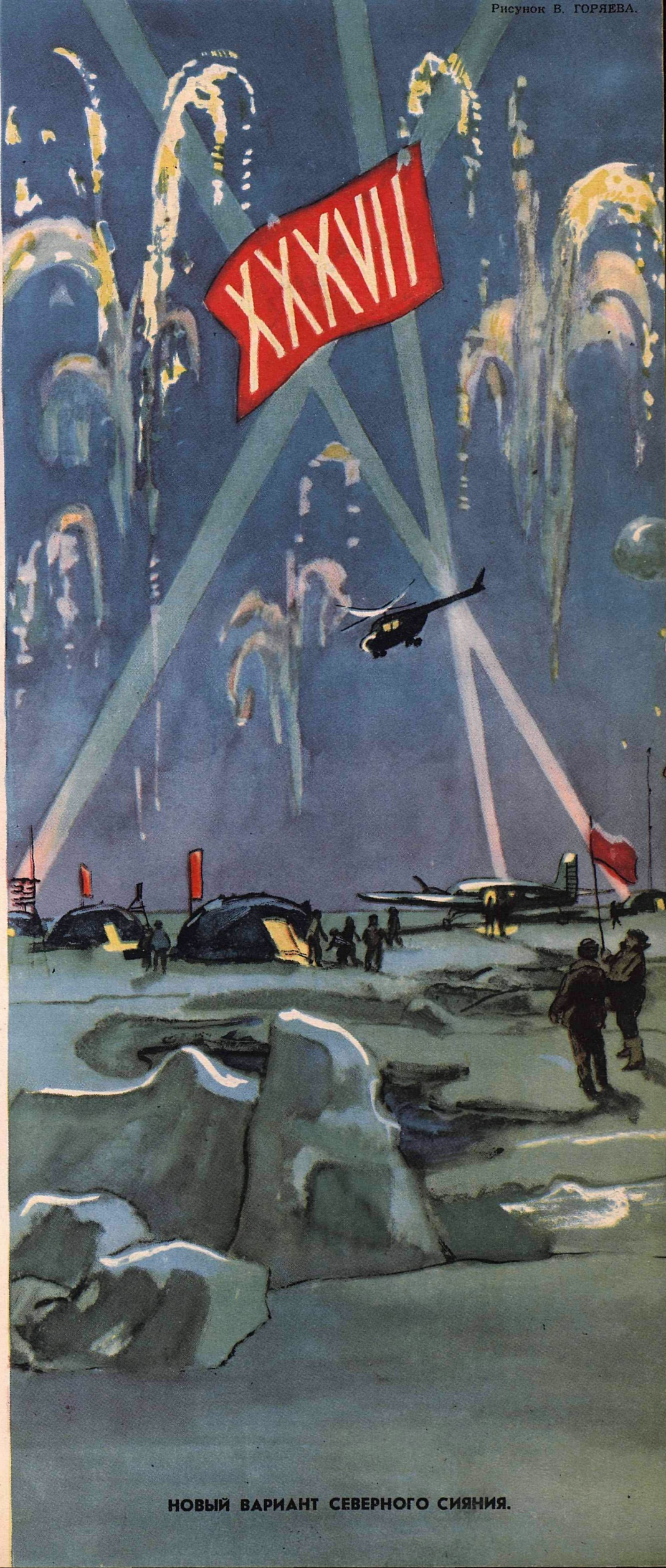
Так вещали очень «авторитетные», очень «солидные» обозреватели буржуазных газет и журналов.

Как известно, все эти гадалки и ворожеи садились и садились в глубокую лужу. Их надежды дохнут, как сдохла курица Великошапки.

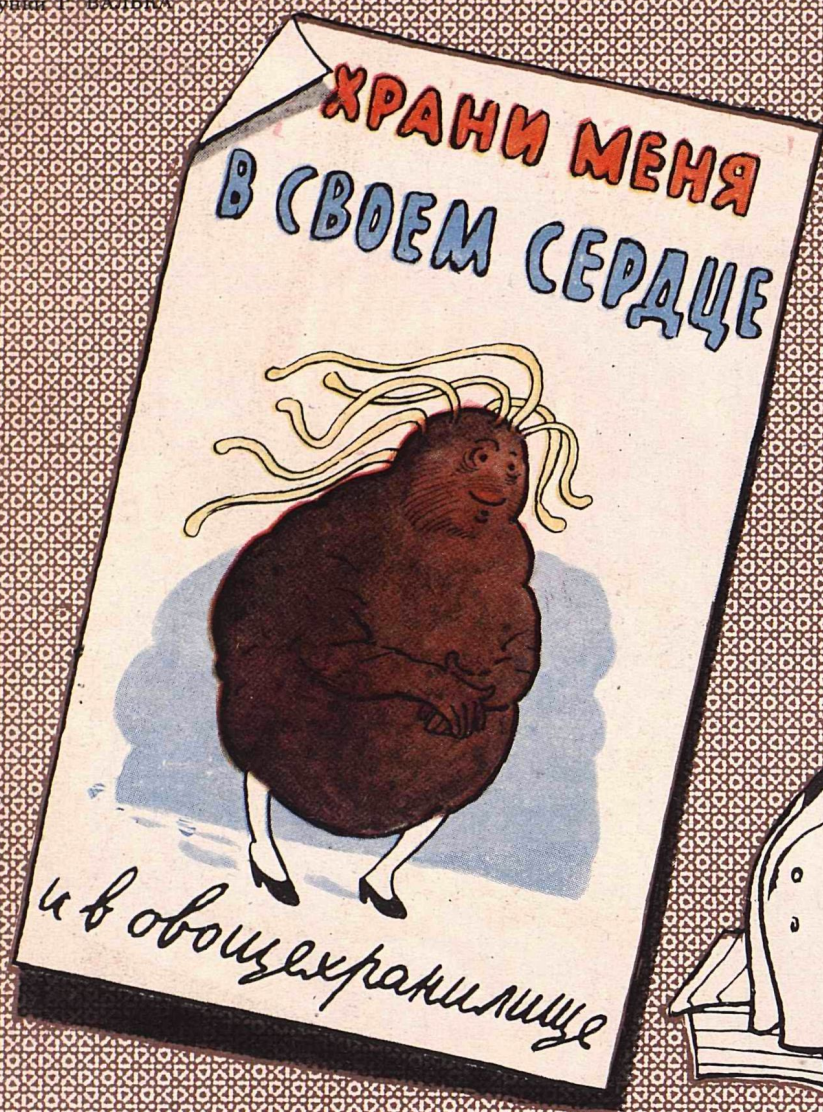
Но, тем не менее, до сих пор современные Великошапки и другие тому подобные предсказатели продолжают уныло бубнить, обещая провал тех или иных советских планов и мероприятий.

Нет сомнения, что пророчества предводителей заокеанского бизнеса не оправдаются, как не сбылись прогнозы предводителя зареченского дворянства.

Это и понятно: чудес на свете не бывает.

Евген. КРАВЧЕНКО

Ш Е Ф Ы

Позапрошлым годом, поздней осенью, приехали к нам в колхоз два молодых человека. Один в очках, другой без, но с фотоаппаратом на ремешке.

— Здравствуйте! Мы ваши шефы, товарищ председатель, — обратились ко мне приезжие и показали бумажку из райкома партии.

— Очень приятно, — говорю. И сразу же конкретный вопрос: чем могут нам помочь?

Шефы переглянулись. Улыбнулись. Как-то виновато повели плечами. А тот, что без очков, и говорит:

— Наше учреждение такое, что ни черепицы, ни леса, ни автомашины не ждите...

— А всё ж таки? — не выдержал я.

— Поможем вам словом... Лекцию прочтём. Стенную газету и фотовитрину оформим. Ну... и так далее.

Я их спрашиваю:

— А откуда вы, такие бедные?

— Из редакции республиканской газеты, — ответили.

Мне, признаться, даже страшновато стало. Вспомнил, что районная газета маленькая, и то покоя не даёт, а эта, республиканская, наверное, и вовсе спуска не даст.

Как раз в тот день наш завхоз Филипп Фёдорович был именинником. Пригласил меня с женой, членов правления, двух бригадиров. Я намекнул про шефов. Он подумал, подумал и говорит:

— Давайте позовём. Как ни говорите, а приятно иметь друзей в республиканской газете. А горячего хватит...

Пригласили. Именины были на славу. На столе целый «Гастроном». Шефы пропустили по маленькой и, как бы оправдываясь, сказали, что им и так приятно с нами посидеть. Тогда мы и за них и за себя опрокинули, а они только со всеми чокались. А Филипп Фёдорович взял и сказал:

— Дорогие друзья, обращаюсь к вам как завхоз, как член правления, как именинник. Увековечьте, пожалуйста, этот знаменательный в моей жизни день... Сфотографируйте всю нашу честную компанию на добрую и долгую память.

Они согласились. Предложили устроиться как можно удобнее. Мы с Филиппом Фёдоровичем сели в центре, остальные по краям. Подняли вверх полные бокалы и затаили «Распрягайте, хлопцы, коней!...»

Филипп Фёдорович горячо и взволнованно поблагодарил их за будущую фотографию:

— Шефы наши дорогие! Ждём фотопортрета, как соловей лета.

Ждать пришлось недолго... На четвёртый день нами вся республика любовалась. Наше фото шефы поместили в газете на самом видном месте. Такая там картина вышла, что до сих пор, как вспоминаю, у меня в глазах мотыльки мелькают! Рты у нас искривлены, глаза чуть ли не на лоб: поём. Да ещё над моей головой бригадир Куделица поднял медный таз и макогон... И смех и грех. А под этой картиной — подпись: «Распрягайте, хлопцы, коней да ложитесь отдыхать». А ещё ниже — целый гектар понаписали... Мы с Филиппом Фёдоровичем, как глянули, — и онемели. А как прочитали, зубы у меня мелкой дрожью зацокали, а завхоз начал икать, как младенец, когда его из купели вынимают.

Побежали в контору. У газетной витрины столпотворение и хохот. Кто-то ехидно поздравляет:

— Филипп Фёдорович, с днём ангела вас!

А он только сопит и икает. А потом ко мне:

— Где вы их, Митрофан Митрофанович, выкопали?

— Сами приехали.

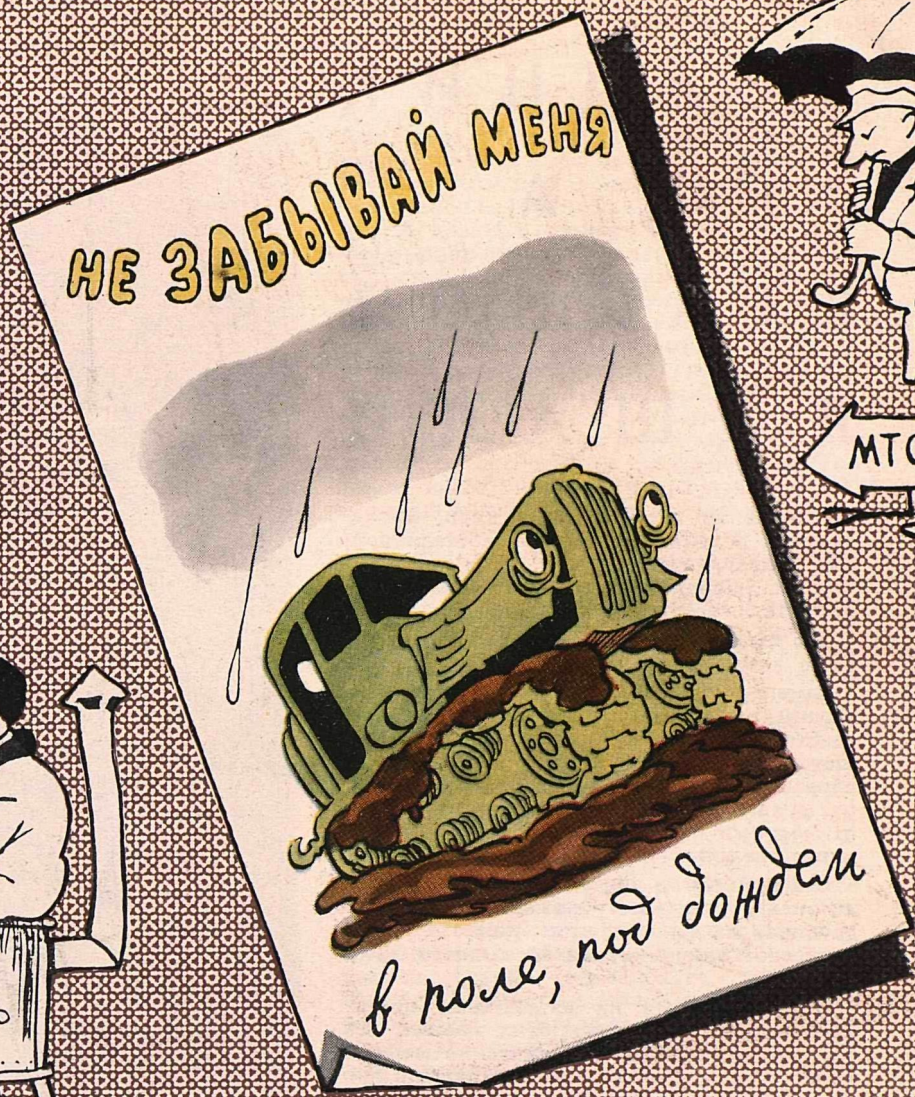
— А какого беса их нужно было ко мне приводить?

— Вы ж сами их пригласили! Это вам, — говорю, — сфотографироваться захотелось...

Он вскипел, я тоже. Но по-настоящему поговорить нам не удалось. К конторе подкатила машина. Смотрим, а в ней районное начальство. Целая комиссия приехала.

Вечером перед всем миром пришлось мне прочитать статью. А там такое писалось!.. Ой, и писалось и печаталось! И про сахарную свёклу, что на поле гниёт, и про зябь, и про клуб, засыпанный горохом и фасолью, и про женщин наших, что на работу не выходят... В порядке самокритики я признал всё написанное правильным и призвал колхозников открыть прицельный огонь по всем недостаткам. Ну, и открыли они огонь!.. Чего только

тогда нам не припомнили! Не собрание это было, а страшный суд!..

А на рассвете схватил я нож, взял свою Настю за руку — и... на поле, обрезать свекольную ботву. А завхоз и бригадиры сделали в тот день по десяти ходок из пяти возможных. Словом, подняли всех на ноги.

Проходят недели, месяцы, мы набираем темпы. А шефы не показываются. Уже зимой приехал от них агроном. Привёз небольшую библиотечку, шахматы, шашки для клуба. Прочитал несколько лекций о мичуринской науке. Помог организовать хату-лабораторию, агротехучёбу. Мы с завхозом первыми записались в агрокружок. А за нами почти весь колхоз сел за парту.

Прошла зима. Работа в колхозе кипит. По севу на первое место в районе вышли. Прополка — по графику. Людей уж не надо «завлекать» на работу. Даже жёны — моя и завхозова — начали в передовые выбиваться.

Филипп Фёдорович и говорит:

— Когда у нас кругом шестнадцать, тогда шефы не приезжают!..

Как вдруг, только мы начали сено косить, здравствуйте, те же самые — один в очках, другой без. Приветливые, любезные, точно родные.

Пошли они на конюшню, на фермы. А там настоящая санитария и гигиена. А скот хоть на выставку!.. Видно, очень понравилось. Поехали на поле. А хлеба у нас крупные, чистые, ни соринки нигде. Ходят наши шефы, любят, хвалят. Пошли на свёклу. Как раз девчата кончили шаровку. Разговаривают они с девчатами, а Филипп Фёдорович и шепчет мне:

— Теперь нам не страшно и фотографироваться.

Вышли со свёклы. Как вдруг один спрашивает:

— А что тут за культура растёт?

— Бурьян, — признался я.

— Сеяли или падалица? — спрашивает другой.

— Сам, проклятый, растёт, — вставил завхоз. — Тут, видите, чёрный пар, — и всякая тебе лебеда и пырей, как из воды, прёт!..

— И культивировали недавно, — солгал я.

Признаться, мы с культивацией прозевали.

На четвёртый день получили газету. Похвальная статья о наших людях — о передовиках, о комсомольцах, о клубе. И тут же фотография. Стоим мы с завхозом, как дрофы, в таких вот бурьяновых чащах!.. И подпись: «Председатель и завхоз такой-то артели любят чёрным паром!..»

Что делать? Не ждать же комиссии! Я — на конюшню. Ногу через буланого — и в МТС.

— Я, — говорю, — шефам своим напишу! Чтоб мне через сорок восемь часов ни одного бурьяна на парах не было!

Директор успокоил меня. В тот же день прислал к нам два «ЧТЗ», а вечером — снова собрание. И снова я в порядке самокритики выступил. Но на этот раз досталось не только мне, и другим не было от меня пощад.

И началась у нас тогда новая жизнь. Подошла уборка, косовицу мы начали дружно, организованно. Готовились, как к Октябрьскому празднику. А хлеба — точно камыши, и перепёлка не пролезет. И управились мы с ними во-время.

И вот домочлачиваем последнюю скирду. Приезжают. Те же самые: один в очках, другой без.

— Слышали, слышали про ваши успехи, — говорят. — Радуемся за нашу подшефную артель.

А в обеденный перерыв тот, что в очках, прямо на току сделал доклад о международном положении. Потом разговаривали с людьми, фотографировали. Записывали. И на нас с Филиппом Фёдоровичем нацелили аппарат. У меня даже в ногах зазвенело. Стою, а сам в тревоге думаю: что-то они напишут? Побыли у нас несколько дней. Поехали.

И тут получаю газету. Не газету, а радость! Вся середина про наш колхоз. А какие портреты наших передовиков! Масляными красками такие не сделаешь. И моя Настя в группе. Такая там красавица!.. А мы с Филиппом Фёдоровичем посредине. А через обе полосы над нами большими буквами: «Артель «Звезда Октября» вышла в ряды передовых».

Приятно было читать газету. И обо мне там часто упоминалось... Тогда кто-то из комсомольцев предложил послать шефам письмо. Почти всем колхозом подписались. «Дорогие наши шефы! Ещё раз примите наше колхозное спасибо за вашу помощь острым словом партийной критики. Приезжайте к нам почаще!» А весной этого года читаем в газете указ. Да вот почитайте сами!..

...Тут мой собеседник расстегнул пальто, чтоб достать из бокового кармана газету, и на лацкане его пиджака блеснула Золотая звезда.

Перевод с украинского Е. ВЕСЕНИНА.

ВСАДНИК НА КРАСНОЙ ЛОШАДИ

«...Хотя из четырёх всадников Апокалипсиса всадник на красной лошади (война) отправляется на отдых, всадник на чёрной лошади (голод) будет продолжать неотвратимо скакать по земле».

Это было сказано в американской печати в конце войны.

Джентльмены и леди, пишущие в американских газетах и журналах, поднимаются порой до библейского пафоса. Они щеголяют красным словцом, заимствуют образы и сравнения даже из Апокалипсиса, древнейшей книги, наполненной мистическими кликушествами и угрозами в адрес грешных сыновей и дочерей земли.

Всё пускают в ход эти господа и господа этих господ — от угроз атомной бомбой до цитат из древних книг, давно утративших своё значение для мыслящего человека.

Они ссылаются на изъеденные временем тексты. С помощью этих текстов они пытаются доказать, что ничто не меняется под луной, что человечество должно вечно приносить свои жертвы на алтарь войны, пребывать в голоде и в холоде, страдать и мучиться.

Знатки обветшавших текстов, конечно, не хотят, чтобы вышеупомянутые всадники покинули земную планету.

Они, разумеется, желают, чтобы царству войны и голода не было конца на земле.

Ибо это выгодно им.

* * *

Прибегая к тем же библейским сравнениям, мы вправе назвать любого посланца американских монополий — а тем паче высокопоставленного — всадником на лошади красной масти.

Он мечется из одного полушария в другое, с континента на континент, размазывая дымным факелом поджигателя.

Удача не сопутствует всаднику. Его выбили из седла в Корее. Ему изрядно помяли бока во Вьетнаме. Его коню не пришлось утолить жажду водой Женевского озера. Благородное чело всадника украшено синяками, полученными в странствиях по Азии и Европе.

Не ссылаясь на Библию, мы пророчим посланцу доллара новые неудачи на его торном пути.

Рыцари войны делают ставку на Западную Германию. Она, по их замыслу, должна стать очагом третьего мирового

Рисунок Л. БРОДАТЫ.

пожара, разжечь который тщетно пытаются вышеупомянутые всадники.

Они, эти всадники, ненавистны миллионам немцев в той же Западной Германии. Горняки Рура, сталевары Эссена, рыбаки Северного моря, рейнские виноградари и крестьяне Баварии хотят мирной жизни, мирного труда и созидания. Они испытали ужасы тотальной войны, затеянной бесноватым фюрером. Им ведомы тяготы длительной оккупации. Нет, они не хотят ни войны, ни голода.

Действующие лица исторической драмы, что развёртывается сейчас в Западной Германии, напоминают немцам зловещие фигуры недавней трагедии, поставленной

Гитлером и его соавторами — стоявшими за ним стальными, угольными, пушечными королями.

В 1954 году Западная Германия похожа на Германию 1934 года. Город Бонн подражает Берлину гитлеровской поры.

В те времена героем дня считался молодчик, вооружённый до зубов, проповедь захватнической войны была вменена в обязанность учителям, поэтам и философам.

Бонн лишь повторяет зады гитлеризма, проповедуя «новый военный дух» и сколачивая на американские деньги дивизии, которые должны будут добыть на полях кровопролитных битв лавровые венки и несметные барыши местным и заокеанским душечным королям.

Фашизм и милитаризм возрождаются на территории Западной Германии. И если задать вопрос, кому ныне живётся хорошо, весело и вольготно на этой территории, то ответ будет такой:

— В Западной Германии хорошо, вольготно и весело живётся нацистам, эсэсовцам, военным преступникам — этим старым, заклятым врагам шахтёров и сталеваров, рыбаков и крестьян.

Коричневая саранча овладевает «жизненным пространством» от Гамбурга до Мюнхена.

Фашистский гимн «Хорст Вессель», вос-

— Почему вы не стали разговаривать с этим джентльменом?
 — Он лжец. Тридцать семь лет назад он говорил, что Советская власть долго не продержится.

певающий гитлеровского головореза, всё назойливее звучит на площадях и улицах западногерманских городов.

Даже буржуазная газета «Ди Рейнпфальц» смущена разгулом и произволом гитлеровских недобитков. Газета печатает письмо читателя, который язвительно отмечает:

«В федеральной республике дело уже дошло до того, что чуть ли не приходится извиняться за то, что человек не был крейслейтером, комендантом концлагеря или, по меньшей мере, штурмфюрером СА. Более того, вследствие существования параграфа 131, «нового военного духа» и т. д. нацисты не только проникают всё глубже в органы власти и администрацию, но их всё больше популяризируют среди широкой общественности».

Вышеупомянутый параграф 131 — это статья боннской конституции, та самая, согласно которой в Западной Германии реабилитируются и получают возмещение «убытков» бывшие чиновники гитлеровского государства.

Многие из этих деятелей кровавого фашистского режима получили полное отпущение старых грехов и даже заняли крупные посты в федеральной республике. Стаж, опыт и заслуги гитлеровских промисловцев, провокаторов, тюремщиков, палачей весьма ценятся.

Гитлеровские генералы возводятся боннскими властями в сан «национальных героев».

Раньше этих генералов выпускали из мест заточения, где они пребывали по справедливому приговору народов, тишком и молчком, с некоторым смущением и застенчивостью — ведь всё-таки заплечных дел мастера, субъекты, повинные в нарушениях законов божеских и человеческих, люди, лишённые чести и совести... Теперь же их выпускают из-за решётки с помпой, воздают им почести, ухаживают за ними.

Генерал Мейер во время войны убивал канадских солдат, ставших его пленника-

ми. Недавно генерал вопреки закону выпущен из тюрьмы. Сей акт был совершён так, будто гитлеровский генерал вовсе не палач, не убийца, а прелестная невинная героиня немецкой романтической поэзии, какая-нибудь Марта или Гретхен, брошенная в каземат злыми духами. Фашистские молодчики преподнесли Мейеру цветы. Дирекция западногерманской фирмы «Ауто-унион» любезно предоставила в его распоряжение легковую машину. И, наконец, боннские власти приняли решение выплатить генералу «предусмотренное законом возмещение» в размере 4 800 марок.

Генералы не могут оставаться без армии — иначе какие же они генералы! И выпущенные на свободу военные преступники подвизаются в Западной Германии в качестве вербовщиков нового пушечного мяса. Они выступают в роли ветеранов, которым есть что рассказать о минувших днях и битвах.

Разумеется, предаваясь воспоминаниям, генералы скромно умалчивают о том, как они были биты под Москвой и Сталинградом, под Варшавой и Берлином. «Новый военный дух» заставляет, между прочим, и лгать, как это умел делать покойный Геббельс.

В древнем городе Гейдельберге на слёте 15 тысяч бывших военнослужащих гитлеровского «африканского корпуса» генерал Крювель целиком и полностью одобрил и политику и практику гитлеровского режима. Пусть этот режим потерпел крушение — не он, режим, виноват в этом. Режим был отменно хорош, традиции, опыт и нравы его необходимо перенять при создании нового германского вермахта. Пусть изменились времена — дух Гитлера бессмертен, и гитлеровские генералы поведут западногерманских солдат под старым знаменем. И солдаты должны идти на новую бойню, как стадо баранов.

В городе Майнце состоялся слёт союза бывших гитлеровских парашютистов. Там верховодил гитлеровский генерал Штудент. Он избран «пожизненным президентом союза». Ему дали право «полномочно распоряжаться» судьбой членов союза. Чем не фюрер этот генерал от парашютизма!

Господа американцы, что в своих газетах и журналах распространяются насчёт всадников Апокалипсиса, сами в огонь войны лезть не большие охотники. А воевать им дозарезу хочется, ибо на том стоит строй миллиардеров и торговцев кровью. Вот они и ищут в Западной Германии тех, кого можно привязать к колеснице войны. И отпускаются кредиты на формирование новых дивизий. И гитлеровские битые и недобитые генералы и офицеры становятся во главе войсковых частей и соединений. И «новый военный дух» смердит в Западной Германии.

Немецкий народ многое пережил. Он многое видел. Он многому научился. Много изменилось во всей Германии; безвозвратно ушло то время, когда рядовой немец полагал, что ему не о чем думать, ибо за него думает фюрер. Народ немецкий не всадник без головы, как этого хотелось бы организаторам третьей мировой войны.

У немецкого народа хватит сил для того, чтобы выбить из седла «всадника на красной лошади».

И. РЯБОВ

Осень. Пора театральных премьер, новых цирковых представлений и концертов. За кулисами Антинародного театра Уолл-стрита (Антуса) идёт усиленная подготовка к открытию сезона.

Наверху с левой стороны шумовой оркестр. В его составе выдающиеся биржевики и бизнесмены. Именно под их дудки репетирует очередной воздушный перелёт гимнаст, одетый по последней дипломатической моде. Надо признать, номер у него опасный: были случаи, когда его коллеги срывались и шлёпались в лужу.

Наверху справа осветительная часть. Не удивляйтесь тому, что все приборы тщательно прикрыты. Дело в том, что режиссёры Антуса предпочитают осуществлять свои наиболее значительные постановки в полной темноте. Для мелких, проходных номеров в руках у заведующего освещением специальные стёкла, искажающие любую действительность. Рядом бутафорская. На переднем плане побитая молью гоминдановская марионетка. Её очистили от грязи, выколотили из неё пыль. Очевидно, готовят для очередного представления.

А вот и костюмерная. И здесь вовсю кипит работа: шьют мундиры. Других костюмов для постановок Антуса почти не требуется. Фраки и смокинги ведущим мастерам трюков и перелётов шьют собственные портные.

За щитом уютно устроился пожарный унтер-офицер. В нормальных условиях сначала возникает пожар, затем с небольшим опозданием появляются пожарные с огнетушителями. В Антусе, где многое шиворот-навыворот, у пожарных совсем иное назначение. Сначала появляется пожарный, вслед за тем вспыхивает пожар. Просим обратить внимание на огнетушители.

Около заплатанного занавеса хлопочут машинисты сцены. Они укрепляют подмости, опасаясь новых провалов.

На переднем плане два открытых люка. Постановщики пытаются приспособить люки для показа фокусов. Но фокусы не всегда удаются. По замыслу постановщиков, как только в один люк будет опущен очередной проект создания западногерманской армии, из другого люка тотчас должен появиться некий ангел-хранитель с белоснежными крыльями и пальмовой ветвью. А выходит, как говорится, Федот, да не тот.

Неподалёку декоратор занят обычной работой: подмалёвывает фасад, за которым ясно видны основные механизмы будущей постановки.

Парикмахер без особого успеха старается загримировать старого гитлеровского фон Тигра под невинную фрейлейн Овечку. Фон Тигр пытается как можно крепче сжать губы,— вдруг станет ясно, что у него в недавнем прошлом были основательно выбиты зубы!

У микрофона хормейстер пробует голоса для антисоветского ансамбля песни и выкрика. Поскольку в этот ансамбль голоса требуются наиболее фальшивые, лучше всех подошёл «Голос Америки». В центре суфлёр, он же главный режиссёр, и он же генеральный администратор.

Одним словом, все на своих местах, а провал неизбежен.

Т Е Н И М И Н У В Ш Е Г О

Накануне девятой сессии Генеральной ассамблеи ООН на внеочередное заседание в Нью-Йорке собралось девять персон. Каждая из них с серьезным видом рекомендовалась «представителем» одного из суверенных государств Восточной Европы. Величали они друг друга «ваше превосходительство», «господин посол», «господин министр», а некоторых, в том числе дряхлого старца Александра Фёдоровича Керенского, — «господин премьер-министр». Этот старец прощамкал вступительную речь:

— Господа министры! Тридцать семь лет тому назад, дабы сохранить себя как представителя законной России, я пожертвовал брюками и, да простит меня бог, в дамской юбчонке и проستم бабьем платке был таков.

Воцарилась тишина. Какая-то персона громко высморкалась. Старец продолжал:

— Подвиг вашего покорного слуги был оценён по достоинству. Я переходил из одних объятий в другие, пока наконец не выбрал долларové объятия! Согласитесь, что американские импрессиарио платят суточные. Не правда ли?

Раздался гул одобрения.

— Господа! — снова зашамкал старец. — До поры до времени меня устраивала эта программа-минимум, но вот-вот мне стукнет восемь десятков, и пора всем нам подумать о программе-максимум.

Присутствующие насторожились.

— Ваши превосходительства! — мобилизуя все свои силы, произнёс старец. — Я верил в то, что мы победим, ещё тридцать семь лет назад, когда я в дамской юбчонке... э... э... повторяться не буду. Как же мне не верить в это сегодня, когда нас здесь становится всё больше?! А раз нас становится больше, то их там, в красной России и в других красных странах, становится всё меньше. Таковы законы математики.

— Гениально! — крикнула одна из персон.

— Да, господа. К нам прибывают свежие силы. Вот и сегодня я имею честь приветствовать в нашей тёплой компании господина Спекке, назначенного... э... э... старец наклонился к соседу. — Господин Спекке, кто вас назначил?.. Так, так... Назначенного поверенным в делах Латвии при правительстве в Вашингтоне. Предоставим ему слово!

Последние слова старца потонули в буре рукоплесканий.

— Ваши высокопревосходительства! — начала персона по фамилии Спекке. — Прежде

чем поблагодарить вас за тёплый приём, я хочу обратить свои мысленные взоры к тем, кто меня отечески обласкал, кто, отложив неотложные государственные дела, заверил меня в личной беседе и через американскую печать в том, что «Соединённые Штаты обеспечат Латвийской республике (при этом персона ткнула себя в грудь) искреннюю поддержку».

Тут все наперебой стали рассказывать, как они были обласканы высокопоставленными лицами высокопоставленного ведомства. Правда, не обошлось и без недовольных. Спор разгорелся вокруг того, почему вашингтонские джентльмены с особой силой обласкали чанкайшиста в ООН.

— А чем мы хуже него! — злобно зашипел «русский премьер-министр», ужаленный в самое больное место. — Ведь он по сравнению со мной щенок! Я вот уже тридцать семь лет живу на птичьих правах, а он только ещё одну пятилетку. И — не угодно ли! — его они посадили в ООН, а меня...

Дав волю своему негодованию, старец Александр Фёдорович Керенский разоткровенничался:

— Я требую программы - максимум! Пороха у меня хватит, чтобы поставить вопрос ребром! Немало сенаторов меня поддержат...

— Bravo! — загудели персоны.

— Пора наконец заявить решительный протест против участия красной России в ООН! Место России в ООН принадлежит мне! Не для того я тридцать семь лет назад в дамской юбчонке... э... э... повторяться не буду.

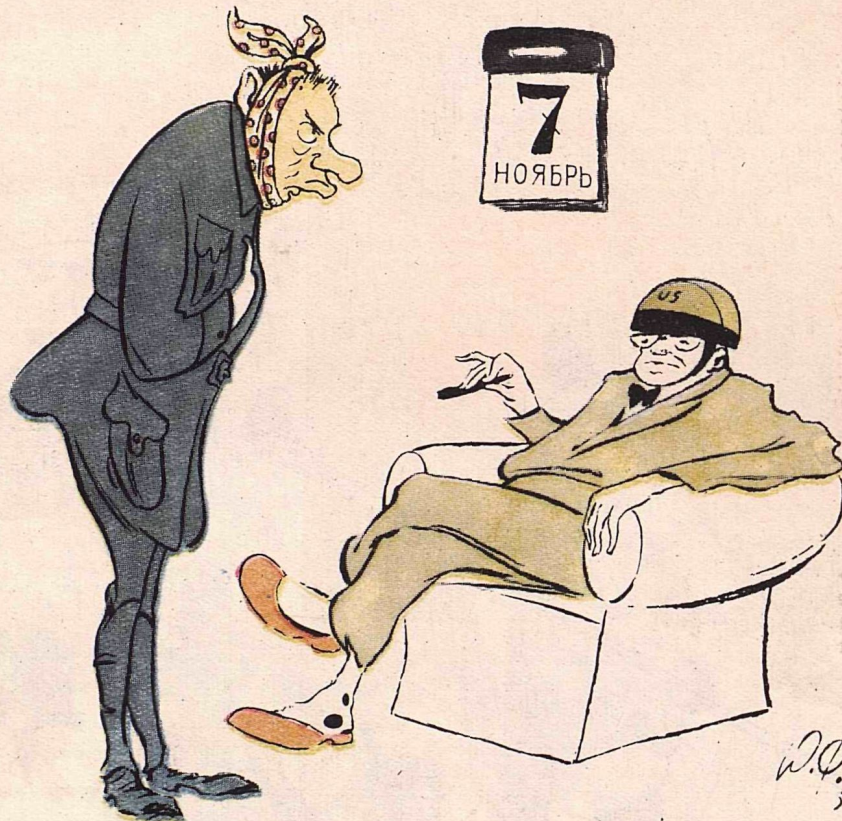
— Всё ясно, Александр Фёдорович, вам первому принадлежит место, а вслед за вами мы все...

И девять персон стали составлять решительный протест в адрес ООН. Писали они долго. Спорили. Взвешивали слова и выражения. И, наконец, сочинили сей исторический документ. Дело чуть было не сорвалось: разгорелись шумные прения, в каком порядке ставить подписи. Наконец было принято мудрое решение: порядок подписей установить в зависимости от размера получаемой долларовой мзды.

* * *

ЖЕРТВА ЗАЛПА «АВРОРЫ»

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

— Что с вами, мистер Керенский?
— В ухе стреляет...
— И давно это у вас?
— С 1917 года...

Мкртич КОРЮН

Соловей в клетке

— Почему меня, — спросил соловушка, — в клетку посадили, под замок?
— Ах ты, неразумная головушка: Чтобы кот поймать тебя не мог!
Удивившись (вот так, мол, ответили!), Соловей, святая простота,
Говорит:
— Не лучше ль, благодетели,
В клетку посадить тогда кота!

Перевёл с армянского А. НИКОЛАЕВ.

Всю эту историю можно было бы воспринять как дурной анекдот. Однако американская газета «Ди нейе цейтунг», издающаяся в Западной Германии, на полном серьёзе сообщила своим читателям о вышеописанных претензиях кучки международных проходимцев.

Д. УМАНСКИЙ

Макада старуха

В тесной комнатке партийного комитета на третьем этаже здания заводоуправления сидят секретарь парткома Сергей Аркадьевич Пучков — коренастый, очень светлый блондин, почти альбинос, и токарь Бабкин — высокий, сутулый, с озабоченным, угрюмым лицом.

Сидит Бабкин в парткоме уже минут пятнадцать, курит, произносит невпопад малозначащие фразы, томится, никак не может начать тот разговор, ради которого пришёл.

Пучков, недовольный тем, что его оторвали от тезисов праздничного доклада, в конце концов не выдерживает:

— Ну, что ты, Бабкин, как девица на свадьбе! Пришёл — говори! Что у тебя там стряслось!

Токарь поднимает на секретаря парткома голубые простодушно-ясные глаза, странно не вяжущиеся с суровыми чертами его тяжёлого лица, и Пучков видит в них укор и душевную боль. Густо краснея, он спешит смягчить свой резкий тон:

— Говори, Бабкин, не стесняйся... Личное что-нибудь!

Бабкин шумно вздыхает:
— Личное!

«Что он мог натворить! — тревожно думает секретарь. — Человек тихий, непьющий... Производственный хороший. В партию собирается. Ничего такого за ним вроде не замечалось!»

Пучков не любит разбираться в бытовых делах. Они, дела эти, всегда так запутаны, так сложны! Психология, будь она... Да и тяжело бывает разочаровываться в человеке, когда вдруг оказывается, что в быту он совсем не такой молодец, каким знаешь его на работе. А Бабкин, как будто нарочно, сообщает:

— Я к тебе, Сергей Аркадьевич, по персональному делу, хоть я ещё и не кандидат даже.

Пучков хмурит белые пушистые брови:

— Давай говори всё. Только покороче... по возможности.

— Коротко-то оно навряд ли получится. И ты уж лучше меня не сбивай вопросами, товарищ Пучков, я сам как-нибудь сойдусь! Да-а-а!.. Так вот дело моё — в жене! Вернее, даже не в жене, а в матери её, в теще. Это, товарищ Пучков, такая старуха!.. Из-за неё и получилось у нас нескладно это всё! Женился я три с лишним года назад. Поехал в отпуск в деревню, под Саратов, — я сам саратовский, — ну и... там всё у меня и произошло с Дуней. Влюбился я без памяти в её карие очи! Сам знаешь, как это бывает!

— Забыл уже!.. — усмехается Пучков.

— Целые ночи на лавочке вдвоём просиживали, любовались луной... Песни ей пел под баян: «Любовь нечаянно нагрянет, когда её совсем не ждёшь», «Страдания» — наши, саратовские, и старинную одну, мою любимую «Скажи, зачем тебя я встретил!»

— Я лично своей Наталье Петровне «Средь шумного бала» напевал, — задумчиво говорит секретарь парткома.

— А говоришь: «забыл»!.. Да-а!.. Короче говоря, решил на женитьбу. Дуня без отца жила — помер, — с матерью, с Аграфеной Поликарповной, вот с этой самой... Такая старуха — ни в сказке сказать, ни пером описать! И не то чтобы замухрышка какая-нибудь, опёнка червивая, дунь на неё — повалится, а рослая старуха, гвардейского телосложения, хоть бери её к нам на завод в кузнечный цех! И с характером соответственным. В колхозе работала на животноводческой ферме. Хорошо работала, даже трудовую медаль получила. Колхозники её очень даже уважали. Так посмотришь — вполне положительная старуха, на уровне эпохи. Но вот беда — до невозможности привержена к религиозному дурману.

— Религиозные предрассудки — это самый цепкий пережиток прошлого! — наставительно подтверждает Пучков.

— Факт! Но ты послушай, как дело обернулось. В избе у неё весь угол завешан богами. Полный комплект святых и угодников! Настанет воскресенья — она в церковь за пятнадцать километров. То на попутной, то лошадку схло-

почет, а то и пешком. И Дуню с собой тащит. Та, чтобы мать не огорчать, идёт или едет, хоть и не признаёт божественное. Да-а-а!.. Не понравилась мне ихняя политическая отсталость, прямо с души воротит. Как к ним ни приду, у меня со старухой диспут! Но ведь это я сейчас и книжки почитываю, и историю изучаю в кружке, и поговорить могу на разные темы, а тогда не хватало у меня этого самого пороку, товарищ Пучков, откровенно тебе скажу! Била меня проклятая старуха, как хотела! Я ей внушаю, что, дескать, мир произошёл из материи. Она с ехидцей: «Из какой такой материи! Из ситца!» Объясняю ей своими словами про материю. Такое плету — у самого уши впрямь! Запутаную, плюну и скажу: «Короче говоря, Аграфена Поликарповна, бог ваш тут ни при чём». Обижается: «Без бога травинка не вырастет. И в писании сказано: «В начале бе слово». Слово, а не материя». Я стою на своём: «Материя!» Она — на своём: «Бе слово». Слово за слово, разругаемся в дым — и ни бе, ни ме!.. Ну, ладно! Подходит дело у нас к главному разговору. Набрался я духу, говорю ей, что так, мол, и так, решили мы с Дуней пожениться. Отвечает: «Возражений не имею, но венчаться церковным браком». Я на дыбки: «Категорически нет!» «Тогда и моего согласия нет!» Дуня в рёв: «Так иду, без вашего согласия!» Она: «Прокляну!» Такая старуха, товарищ Пучков!.. Что же ты думаешь, пришлось...

— Венчаться!!

— Бежать пришлось нам с Дуней от неё, вот что! Прямо как в романе. Комсомольцы помогли, колхоз полуторку дал — поминай, как звали! Потом мы ей письмо послали. Три дня писали. Приходит ответ: проклять не прокляла, но сообщила, что даже и знать нас не хочет. Пока, дескать, не покаемся и в церкви не окрутимся, чтобы не смели ни с чем к ней обращаться. «Ах ты, — думаю, — старая перчица! Ладно: у тебя характер, и у меня характер!»

Категорически запретил Дуне ей писать. Решил измором взять, как сильно укреплённую долговременную точку. Год проходит — она молчит. И мы молчим. Дуня плачет по ночам, у меня у самого сердце кровью обливается, на неё глядя, но... выдерживаю характер! Так три года, поверишь ли, и промолчали. Стороной, через знакомых, узнавали про здоровье и так далее. И она тоже... стороной. Теперь происходит у нас прибавление семейства. Родила мне Дуня сына.

— Поздравляю! — улыбается секретарь парткома. — А я и не знал, что ты уже папаша. Что же в гости не позвал!

— Постеснялся. Думал, не придёте, — переходит на «вы» Бабкин, — тем более, что событие не производственное... неудобно как-то звать... Да-а-а!.. А мальчишка у меня — первый сорт. Доктора даже удивлялись, до чего здоров. Орёт басом. Гвардеец! В бабку!

И вот, товарищ секретарь, есть такая поговорочка: «Там, где бес сам не может сделать, он женщину подошлёт!» Поговорочка правильная, между прочим, хоть бесы эти да черти тут, конечно, ни при чём, они тоже от суеверий произошли. Да-а-а!.. Стала Дуня моя ластиться ко мне невозможно как, плачет пуще прежнего, просит слёзно: «Давай окрестим

мальчика... хочу с мамой помириться, не могу больше. Мама только тогда меня простит, когда узнает, что внук у неё крещёный». Ну и... дрогнул я! Дал своё согласие. Сам в церковь не ходил, Дуня носила.

Бабкин видит, как мрачнеет лицо Пучкова, как словно льдыстым туманом заволакиваются глаза секретаря партийного комитета, и поспешно добавляет:

— Ошибку свою признаю целиком и полностью. Да-а-а!.. Даём старухе телеграмму: «Дуня родила сына приезжайте поглядеть внука». Приходит ответ: «Выезжайте». Заявляется! Такая же здоровая, как и была. В новом платье шерстяном, на груди медаль. Поздоровалась — ничего. Стала на внука глядеть — заплакала. И Дуня ревет. Только мы с Васюткой — Василием назвали сына — держимся, конечно, как мужчины. Дуня говорит: «Мы крестили его... только для вас». И вот ты подумай, товарищ Пучков, что она нам в ответ на наше сообщение преподносит! «Напрасно, — говорит, — вы это сделали: мне этого не нужно». «Как так не нужно!» «Так, — говорит, — не нужно. Я, — говорит, — освободилась от своих заблуждений — считаю, что на восемьдесят пять процентов». Я смотрю на Дуню, Дуня — на меня! Трагическая пауза, как в книжках пишут. Васютка — и тот не выдержал, заревел у себя в кровати. А теща знай бомбит. «Вы, — говорит, — три года моей жизнью вовсе не интересовались. Жива мать — и пусть живёт! А чем живёт да как живёт, — это вам всё равно. Старухи, — говорит, — разные бывают. Одна, как камень лежачий, под который вода не течёт, а другая растёт и развивается, как любая живая организма». Смех!.. Такая старуха!.. Да-а-а!.. Потом я дознался, что к ним в колхоз приехал работать один молодой агроном, толковый парень, по всему видать. Ну и стал лекции читать на эти темы, кружок сколотил. Она пошла послушать. А как же не пойти! С родной дочкой разошлись на религиозной почве! Так и втянулась.

Сели обедать, а теща ещё с подковыркой ко мне. «Если, — говорит, — ты, дорогой зятёк, не пойдёшь в свою партийную организацию и не расскажешь чистосердечно, как ты опростоволосился, я сама пойду».

Я говорю: «Я же беспартийный». А она: «Собираешься в партию вступить, — значит, должен быть, как стёклышко!» Такая старуха!.. Да-а-а!.. Вот и всё, товарищ Пучков. Ничего не скрыл. Теперь разбирайте!

Опустив голову, Бабкин ждёт, что скажет секретарь.

Пучков смотрит на его спутанные чёрные с курчавинкой волосы, на большие руки с узловатыми сильными пальцами, лежащие на столе, и не знает, что сказать. Ему и смешно, и немного досадно, и почему-то неловко. Смутное это чувство неловкости и мешает ему говорить.

Наконец он произносит:

— Это хорошо, что ты всё начистоту рассказал, Бабкин. В партию ещё не принял, а проступок непартийный уже совершил. Но, с другой стороны, дело сложное, с психологией, как говорится... Придётся нам обсудить, как это получилось...

Бабкин поднимается. Лицо его разгладилось и кажется теперь не таким суровым и тяжёлым. На душе легче стало!

— А почему не пришёл раньше, не посоветовался! — с упреком говорит Пучков.

Бабкин молчит.

Когда он выходит из комнаты, секретарь партийного комитета снова принимается за тезисы своего доклада. Но работа у него не клеится: мешает именно то чувство смутной неловкости, какое появилось у него после исповеди Бабкина.

Секретарь начинает ходить по комнате, курить, думает, анализирует по сложившейся привычке. Потом садится за стол и записывает в свой блокнот с тезисами: «Усилить внимание к беспартийному активу. Ближе к ним стоять. Знать их душевный мир».

Последнюю фразу он подчёркивает двумя жирными чертами.

Хороша моя страна-
В ней и осенью весна.
Нынче всем по тридцать семь,
А не старимся совсем.

Кокосильские

гастуцки

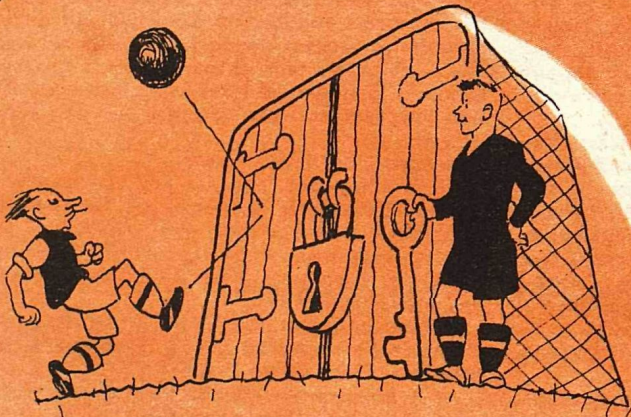
Что мне пряники с малиной!
Что мне яблочный рулет!
Всех вкуснее хлеб целинный:
Ведь его свежее нет.

Говорит доярка Тоня:
— Лучше нет судьбы моей.
Хорошо бы в павильоне
Встретить десять Октябрей.

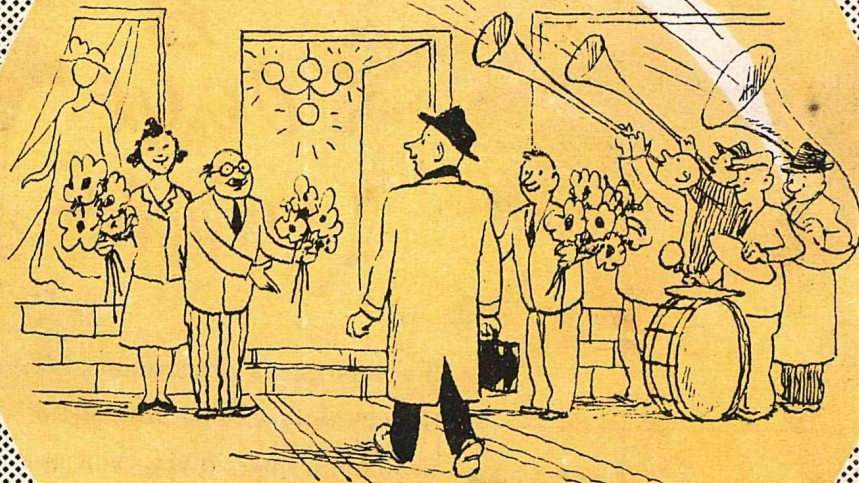
Я театр солидный знаю.
За премьеру не корю:
Намечалась к Первомаю,
Появилась... к Октябрю.

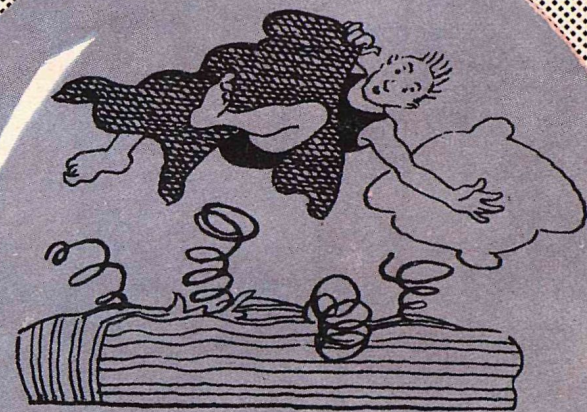
Ездят гости к нам без счёта,
Для гостей везде почёт,
Им открыты все ворота,
Лишь футбольные не в счёт.

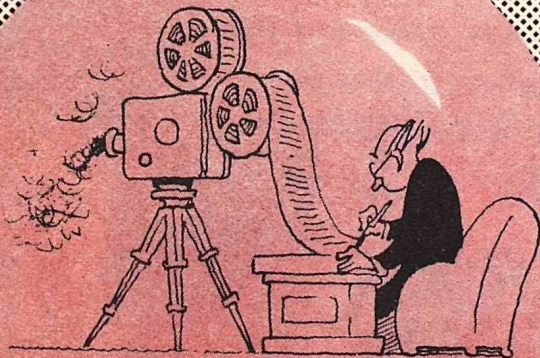
УНИВЕРМАГ

Мы хотим, чтоб к нашим торгам
Приближались мы с восторгом
И, спросив любой предмет,
Не слышали слова: «Нет!»

Председатель промартели
На собраниях мягко стелет.
Стал матрацы выпускать —
Оказалось жёстко спать.

Пишет киносценарист
Девяносто пятый лист —
Не сценарий, не сюжет,
А статью, что фильмов нет...

Бригадир колхозный рад:
Повстречались кум и брат,
Сели выпить по одной —
Получился выходной.

— А по этому плану мы сегодня должны быть на праздничном столе...

В доме отдыха встретились он и она,
 Познакомились просто и мило,
 Сообщили друг другу свои имена,
 И она его сердце пленила.
 Он от страсти лишился покоя и сил,
 Волновался и таял в истоме.
 И согласие на брак от неё получил
 Он к концу пребывания в доме.
 И пошли они вместе в житейскую даль.
 Их поздравить бы словом душевным,
 Да немного смущает такая деталь:
 Тот дом отдыха был... однодневным.

МИМОХОДОМ

Если на дороге образовалась пробка, ищи и бутылку.

Соль хорошего обслуживания питающегося — не в одной только солонке.

Отдыхать можно и не в рабочие часы.

По просьбе родителей детский утренник был устроен в восемь часов вечера.

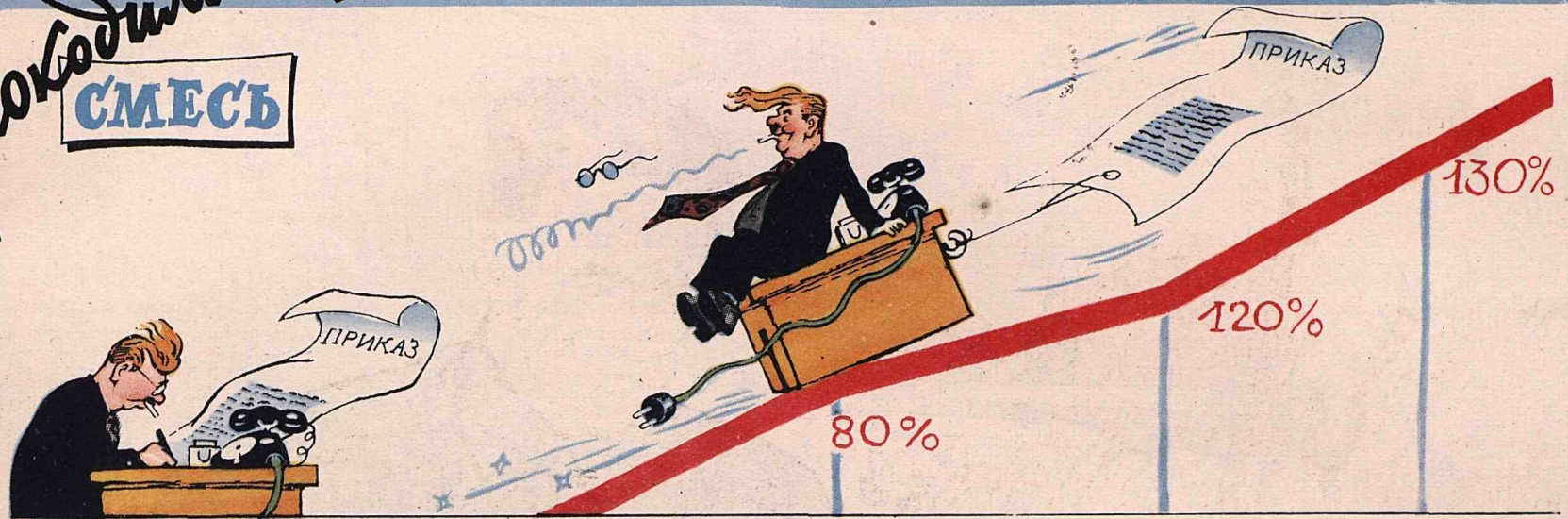
Культурный уровень сантиметрами не измеряется.

Сколько бокалов за повышение качества ни поднимай, качество этим не поднимешь.

Л. МИТНИЦКИЙ

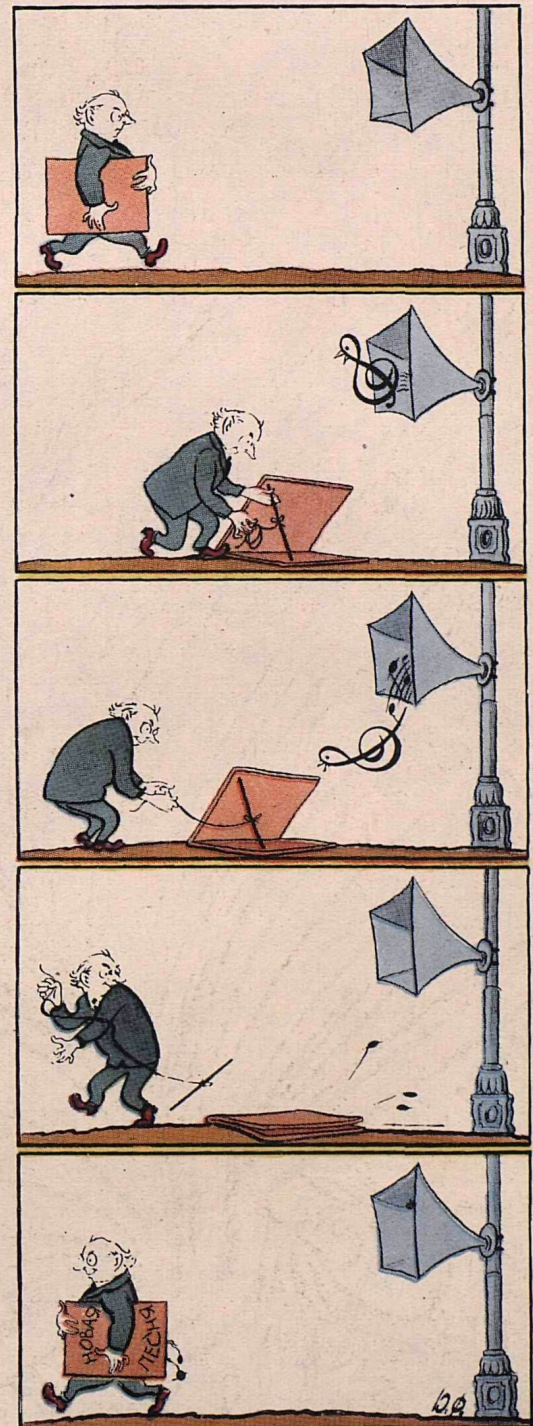

— Товарищ Кошкин издал приказ и думает, что приказ вывезет Кошкина.

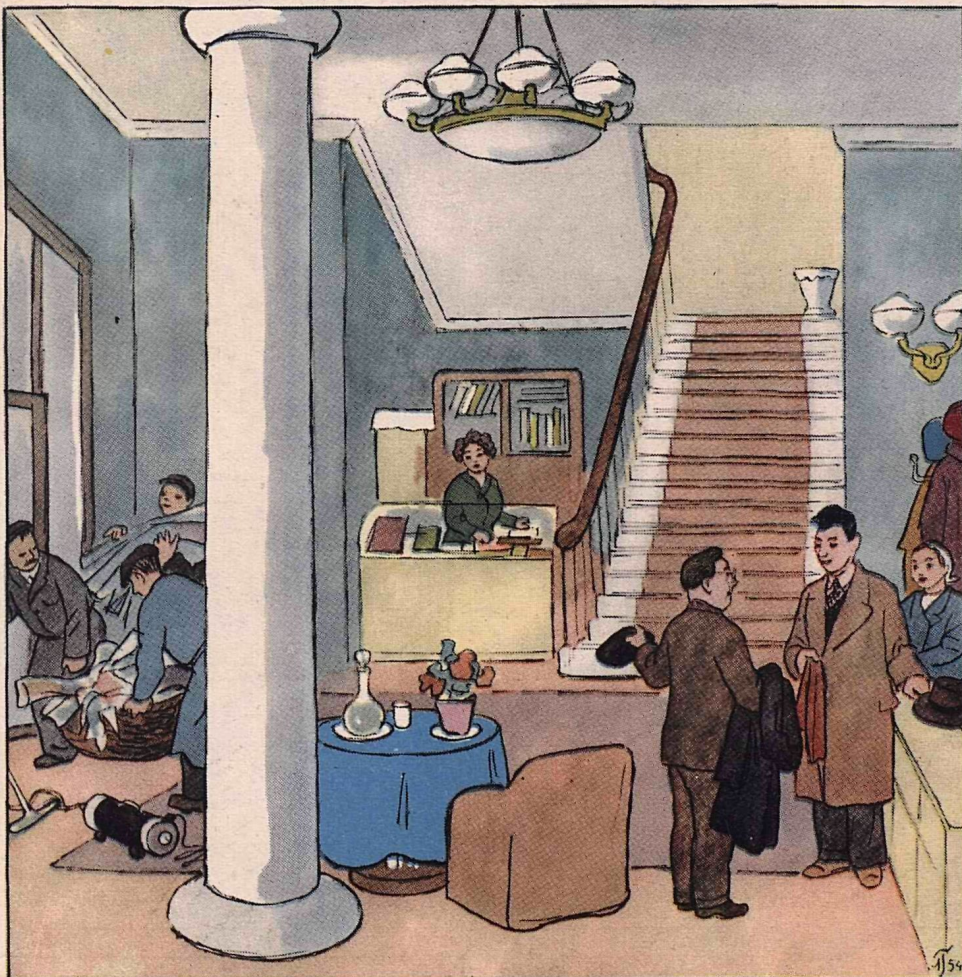
ВЕСЕЛЫЙ ПЕСНЕЛОВ

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

ПРЕДПРАЗДНИЧНАЯ УБОРКА

Рисунок Л. ГЕНЧА.

— Оказывается, и в нашем учреждении может быть чисто.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ, И. В. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-33-47. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 06245. Изд. № 875. Подписано к печати 19/X 1954 г. Формат бум. 70 × 108³/₄. Заказ № 3192. Тираж 400 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

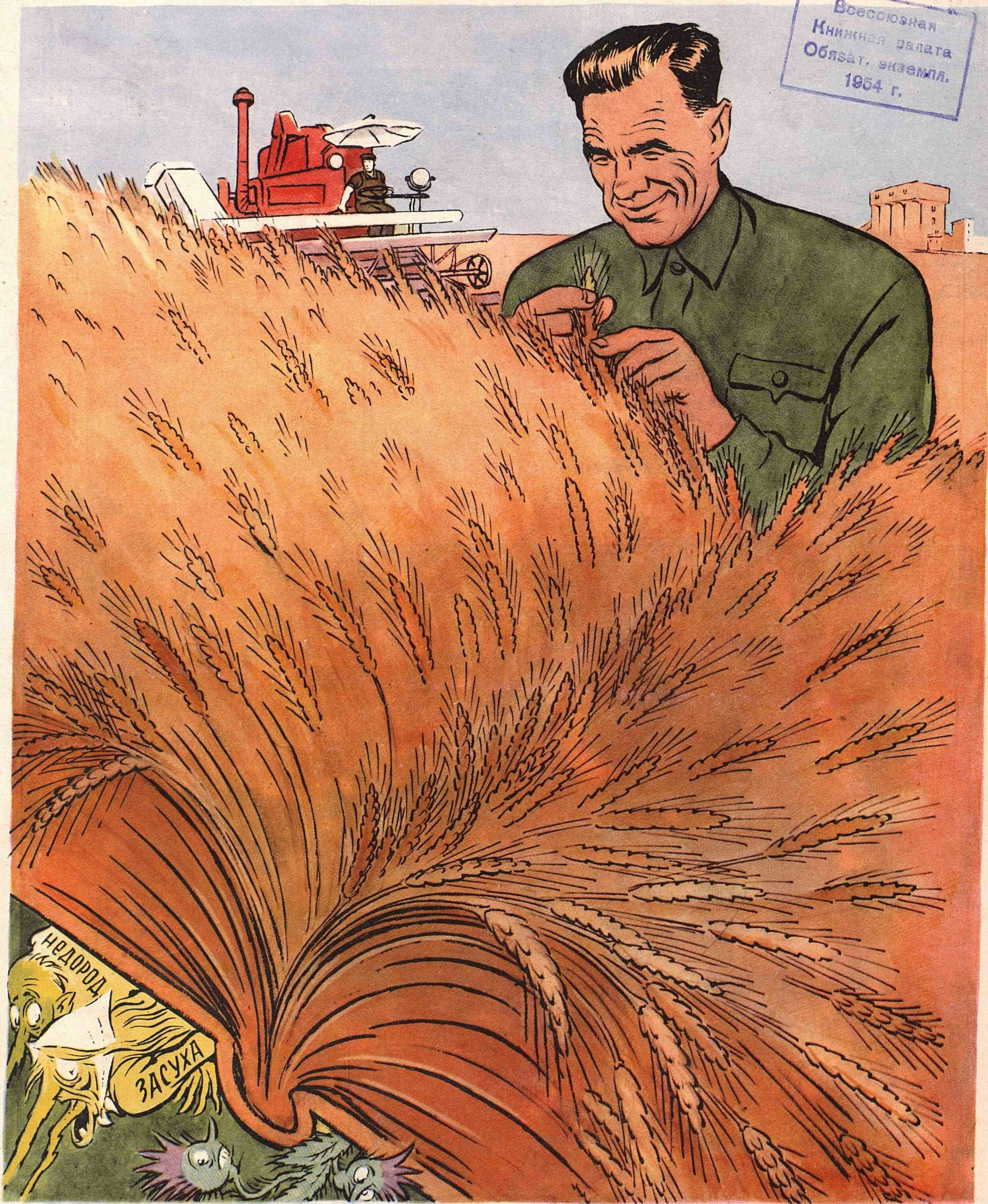
40

2-Ноя 1954

13365-т

Дружеский шарж Н. Лисогорского.

Всесоюзная
Книжная палата
Обязат. экземпль.
1954 г.

ТЕРЕНТИЙ МАЛЬЦЕВ

Новатор он и даже боле...
Мы тем особенно горды,

Что не на полке, а на поле
Его научные труды.